
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

HISTORY OF PHILOSOPHY

УДК 1(091)

МУДРОСТЬ М. МОНТЕНЯ В КНИГЕ «ОПЫТЫ»

А. В. РУБАНОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследована реконструкция представлений о мудрости жизни М. Монтеня. Проанализированы представления философа о счастливой жизни и путях ее достижения, а также его мысли о разумной стратегии и тактике жизни. Представлена характеристика ведущих стремлений и страстей человека. Выделены размышления о нравственных проблемах, в центре которых находятся суждения о добре, совести и способах приближения к добродетельной жизни. Показано, что рассуждения философа на тему свободы человека тесно связаны с вопросами морали. Скептицизм рассмотрен как метод познания, характерный для М. Монтеня.

Ключевые слова: личность; смысл жизни; счастье; мудрость; добродетели; скептицизм как метод познания.

THE WISDOM OF M. MONTAIGNE IN THE BOOK «ESSAIS»

A. V. RUBANAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The subject of this article is the reconstruction of ideas about the wisdom of life of M. Montaigne. It analyses Montaigne's ideas about a happy life and ways to achieve it, his thoughts about reasonable strategy and tactics of life. The characteristics of the leading aspirations and passions of a person are given. Reflections on moral problems are highlighted, at the epicenter of which are judgments about goodness, conscience and ways of approaching a virtuous life. It is shown that his reasoning on the topic of human freedom is closely related to issues of morality. Skepticism is considered as a method of cognition characteristic of M. Montaigne.

Keywords: personality; meaning of life; happiness; wisdom; virtues; skepticism as a method of knowledge.

Образец цитирования:

Рубанов АВ. Мудрость М. Монтеня в книге «Опыты». Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2024;1:4–15.
EDN: RVZBKJ

For citation:

Rubanau AV. The wisdom of M. Montaigne in the book «Essais». Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2024;1:4–15. Russian.
EDN: RVZBKJ

Автор:

Анатолий Владимирович Рубанов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Anatoly V. Rubanau, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
rubanov.bsu@gmail.com

Работу над трудом «Опыты» М. Монтень начал, когда изучал науку самопознания, «которая должна... научить хорошо жить и хорошо умереть» [1, кн. 2, с. 481]. В этой книге он хотел «изобразить... собственный портрет» [1, кн. 2, с. 453]. Объясняя логику построения, содержательное наполнение и предназначение книги, философ выделял несколько основных моментов: «У меня нет другого связующего звена при изложении моих мыслей, кроме случайности. Я излагаю свои мысли по мере того, как они у меня появляются... Я хочу, чтобы виден был естественный и обычный ход их, во всех зигзагах» [1, кн. 2, с. 480–481]; «...мои писания – не более чем протокол, регистрирующий всевозможные... иногда и противоречащие друг другу фантазии, то ли потому, что я сам становлюсь другим, то ли потому, что постигаю предметы при других обстоятельствах и с других точек зрения. Вот и получается, что иногда я противоречу себе самому, но истине... я не противоречу никогда» [1, кн. 3, с. 25]; «Я отнюдь не поучаю, я только рассказываю» [1, кн. 3, с. 27]. Говоря о личностном значении рассматриваемого произведения, М. Монтень писал: «Моя книга в такой же мере создана мной, в какой я сам создан моей книгой. Это – книга, неотделимая от своего автора» [1, кн. 2, с. 803]. К этому следует добавить, что он на примере французского общества XVI в. представил панораму людских нравов и сформулировал набор правил поведения, актуальных для любого исторического времени.

Исходя из собственного примера, М. Монтень сформулировал смысл человеческой жизни в трех кратких, но предельно четких и тесно взаимосвязанных тезисах: «Я живу со дня на день и, говоря по совести, живу лишь для себя» [1, кн. 3, с. 59]; «Сосредоточим на себе и на своем собственном благе все наши помыслы и намерения» [1, кн. 3, с. 294–295]; «Наше счастье или несчастье зависит только от нас самих» [1, кн. 1, с. 361].

Достичь собственного блага и счастливой жизни человеку помогает мудрость – «умение владеть своей душой, которой она руководит осмотрительно, с тактом и с чувством ответственности за нее» [1, кн. 2, с. 412]. Философ подчеркивал, что «отличный признак мудрости – это неизменно радостное восприятие жизни» [1, кн. 1, с. 199].

Усилия М. Монтеня сосредоточены на раскрытии понятия счастливой жизни и путей ее достижения. Исходным в его рассуждениях можно считать следующий постулат: «“Он прожил в полной бездеятельности”, – говорим мы. “Я сегодня ничего не совершил”. Как? А разве ты не жил? Просто жить – не только самое главное, но и самое замечательное из твоих дел. “Если бы мне дали возможность участвовать в больших делах, я показал бы, на что способен”. А сумел ты обдумать свою повседневную жизнь и пользоваться ею как следует? Если да, то ты уже совершил величайшее дело. Природа не нуждается в какой-либо особо счастливой доле, чтобы показать себя и проявиться

в деяниях. Она одна и та же на любом уровне бытия, одна и та же за завесой и без нее. Надо... наводить порядок и устанавливать мир в обычных жизненных обстоятельствах. Лучшее наше творение – жить согласно разуму. Все прочее – царствовать, накапливать богатства, строить – все это, самое большее, дополнения и довески» [1, кн. 3, с. 424].

В русле такого оптимистичного и ответственного взгляда на жизнь М. Монтень рассматривал вопрос о наслаждениях (удовольствиях). Он писал: «Все в этом мире твердо убеждены, что наша конечная цель – удовольствие, и спор идет лишь о том, каким образом достигнуть его» [1, кн. 1, с. 96]. По поводу себя он добавлял: «Нет у меня иной цели, как жить и радоваться» [1, кн. 3, с. 78], а когда «время благоприятствует, я не хочу, чтобы оно просто проходило, я хочу овладеть им, задержать его» [1, кн. 3, с. 428]. М. Монтень развивал эту мысль следующим образом: «Мудрость человеческая поступает весьма глупо, пытаясь ограничить количество и сладость предоставленных нам удовольствий» [1, кн. 1, с. 247]. О своем жизненном опыте он говорил: «Я обсуждаю сам с собою каждое удовольствие, я не скользя по его поверхности, а проникаю до самой сердцевины и заставляю свой унылый и уже ко всему равнодушный разум познать его до конца» [1, кн. 3, с. 429].

Кроме того, философ выделял и комментировал разные виды удовольствия. Прежде всего он рассуждал о соотношении телесных и духовных наслаждений, ссылаясь на высказывания самых авторитетных античных авторов: Сократ «...ценит, как должно, плотское наслаждение, но предпочитает духовное, ибо в нем больше силы, постоянства, легкости, разнообразия, благородства. И отнюдь не в том смысле, что оно – единственное (Сократ не такой чудаки), а лишь в том, что ему отводится первое место» [1, кн. 3, с. 431]; «Платон опасается нашей склонности предаваться всем своим существом страданию и наслаждению, потому что она слишком подчиняет душу нашему телу и привязывает ее к нему. Что до меня, то я опасаясь скорее обратного, а именно, что она отрывает и отдаляет их друг от друга» [1, кн. 1, с. 67].

По поводу других, более конкретных видов жизненных удовольствий, включая добродетель, и умения их ощущать М. Монтень писал так: «...иные ощущают сладость удовольствия – сладость благополучия. Я ощущаю то же самое, но не потому, что она проносится и ускользает. Сладость эту надо познавать, смаковать, обдумывать, чтобы ощущение наше стало достойным того, что ее породило» [1, кн. 3, с. 429]; «...я завидую счастью тех, кто умеет радоваться делам рук своих и испытывать от этого приятное удовлетворение. Ведь это весьма легкий способ доставлять себе удовольствие, ибо его извлекаешь из себя самого, в особенности если обладаешь известным упорством в своих оценках» [1, кн. 2, с. 766]; «...даже в самой добродетели конечная цель – наслаждение...

Становясь более живым, острым, сильным и мужественным, такое наслаждение делается от этого лишь более сладостным» [1, кн. 1, с. 318–319].

Философ выделял и анализировал своеобразную диалектику удовольствий: условия и факторы их возникновения, неоднозначный характер протекания, причины пресыщения и т. д. Он тесно связывал их с душевными силами, разумом и здоровьем человека: «Для наслаждения и счастья необходимы и душевные силы, и разум... каковы бы ни были блага, дарованные нам судьбой, надо еще обладать способностью ощущать их прелесть» [1, кн. 1, с. 96]; «Самый ценный плод здоровья – возможность получать удовольствие» [1, кн. 3, с. 418]. «Что до этого более низменного наслаждения... Я нахожу, что этот вид наслаждения еще более, чем добродетель, сопряжен с неприятностями и лишениями всякого рода... Мы глубоко заблуждаемся, считая, что эти трудности и помехи обостряют также наслаждение и придают ему особую пряность... но в не меньшее заблуждение мы впадаем, когда, переходя к добродетели, говорим, что сопряженные с нею трудности и невзгоды превращают ее в бремя для нас, делают чем-то бесконечно суровым и недоступным, ибо тут гораздо больше, чем в сравнении с выше-названным наслаждением, они облагораживают, обостряют и усиливают божественное и совершенное удовольствие, которое добродетель дарует нам» [1, кн. 1, с. 96–97]; «Погоня за всеми известными нам удовольствиями сама по себе вызывает в нас приятное чувство. Само стремление порождает в нас желанный образ, а ведь в нем содержится добрая доля того, к чему должны привести наши действия, и представление о вещи едино с ее образом по своей сущности. Блаженство и счастье, которыми светится добродетель, заливают ярким сиянием все имеющее к ней отношение, начиная с преддверия и кончая последним ее пределом» [1, кн. 1, с. 97]; «Наши желания презирают и отвергают все находящееся в нашем распоряжении; они гонятся лишь за тем, чего нет... Запретить нам что-либо – значит придать ему в наших глазах заманчивость... предоставить же его сразу – значит заронить в нас к нему презрение. И отсутствие, и обилие действуют на нас одинаково» [1, кн. 2, с. 736–737]; «Нет, естественно, ничего столь противоположного нашему вкусу, как пресыщение удовольствиями, и ничего столь для него привлекательного, как то, что редко и мало доступно» [1, кн. 2, с. 735].

Особая тема размышлений М. Монтеня – пределы наслаждений и действия, которые следует предпринимать во избежание такого развития жизненных событий: «Мудрецы затратили немало усилий, чтобы предостеречь нас от ловушек наших страстей и научить отличать истинные, полновесные удовольствия от таких, к которым примешиваются заботы и которые омрачены ими. Ибо большинство удовольствий, по их словам, щекочет и увлекает нас лишь для

того, чтобы задушить до смерти» [1, кн. 1, с. 299–300]; «Занимаетесь ли вы хозяйством, науками, охотой или чем-либо иным, вы должны отдаваться этому не дальше предела, где кончается удовольствие... Нужно предаваться занятиям и заботам лишь настолько, насколько это необходимо, чтобы сохранять бодрость и обезопасить себя от неприятностей, порождаемых противоположною крайностью, а именно вялым и сонным бездельем» [1, кн. 1, с. 300].

По мнению Сократа, «воздержание не противостоит удовольствиям, а удерживает их в известных границах» (цит. по [1, кн. 3, с. 431]).

Как указывал М. Монтень, правильный жизненный путь укрепляет душу человека и помогает ей сосредоточиться «на определенных и строго ограниченных размышлениях, таких, где она сможет находить для себя уладу и, познав, наконец, истинные блага, наслаждение которыми усиливается по мере познания их, удовольствоваться всем этим» [1, кн. 1, с. 303].

Чем бы ни наслаждались люди, они все время чувствуют неудовлетворение и стремятся «к будущему, к неизведанному, так как настоящее не может... насытить: не потому... что в нем нет ничего, могущего... насытить, а потому, что сами способы насыщения... нездоровые и беспорядочные» [1, кн. 1, с. 368].

Человеческое желание «неустойчиво и ненадежно: оно не способно ничего удержать, не способно дать... чем-либо насладиться по-настоящему». Когда человек думает, что недостаток находится в самих вещах, он «начинает вкушать и поглощать другие вещи, которых... доселе не знал, с которыми еще не ознакомился; к ним устремляет он свои желания и надежды» [1, кн. 1, с. 369].

К сказанному о пределах удовольствий философ добавлял следующий тезис: человек должен ясно осознавать, что наслаждения находятся в тесной взаимосвязи со страданиями, а люди в ситуации выбора между достижением наслаждения и избавлением от страдания достаточно часто выбирают последнее. Он писал о том, что «...страдание тоже должно занимать свое место в жизни человека. Человек не всегда должен избегать боли и не всегда должен стремиться к наслаждению» [1, кн. 2, с. 582]. Из удовольствий и благ, доступных человечеству, нет «ни одного, которое было бы свободно от примеси неприятного и стеснительного» [1, кн. 2, с. 812]. По мнению М. Монтеня, «глубокая радость заключает в себе больше суровости, чем веселья, крайнее и полное удовлетворение – больше успокоения, чем удовольствия» [1, кн. 2, с. 813]. Наличие хорошего самочувствия «...означает лишь отсутствие страдания. Вот почему та философская школа, которая особенно превозносила наслаждение, рассматривала его как отсутствие страдания» [1, кн. 2, с. 581]. «В страдании... есть нечто, чего не следует избегать, и в наслаждении... есть нечто, чего избежать можно». Платон связывал эти понятия, «...полагая, что сила духа должна про-

тивостоять как страданию, так и чрезмерной, чарующей прелести наслаждения. Это два источника, благо тому, кто черпает из них где, когда и сколько ему надо, будь то город, человек или зверь. Из первого надо пить для врачевания, по мере необходимости и не часто, из второго следует утолять жажду, однако так, чтобы не охмелеть» [1, кн. 3, с. 427–428]. Люди устроены так, что им «приходится больше думать о том, как избежать страданий, чем о том, как лучше радоваться, и самая ничтожная боль ощущается нами острее, чем самое сильное наслаждение» [1, кн. 2, с. 580].

Стремление человека к счастливой жизни должно конкретизироваться в целях: «Душа, не имеющая заранее установленной цели, обрекает себя на гибель, ибо, как говорится, кто везде, тот нигде» [1, кн. 1, с. 36].

Ставя перед собой жизненные цели, человек ради их достижения должен руководствоваться рядом соображений. Прежде всего ему нужно четко определить эти цели. Данную мысль, включая указания на последствия подобной линии поведения, М. Монтень повторял в различных вариациях: «Среди показателей нашей слабости нельзя забывать и того, что даже при всем желании человек не умеет определить, что ему нужно» [1, кн. 2, с. 689]; «Мы колеблемся между различными планами: в наших желаниях никогда нет постоянства» [1, кн. 2, с. 395]; «Никто не строит цельных планов на всю жизнь; мы обдумываем эти планы лишь по частям. Нет попутного ветра для того, кто не знает, в какую гавань он хочет приплыть» [1, кн. 2, с. 400]; «Мы обычно следуем за нашими склонностями направо и налево, вверх и вниз, туда, куда влечет нас вихрь случайностей. Мы думаем о том, чего мы хотим, лишь в тот момент, когда мы этого хотим... Мы отвергаем только что принятое решение, потом опять возвращаемся к оставленному пути; это какое-то непрерывное колебание и непостоянство» [1, кн. 2, с. 395]; «Приступив к нашим делам, мы на первых порах управляем ими и держим их в своей воле, но позднее, когда они уже сдвинуты с места, они управляют нами и тащат нас за собой, так что нам только и остается, что идти следом» [1, кн. 3, с. 312]; «Мы плывем по течению, а повернуть в обратную сторону и возвратиться к себе – дело исключительно трудное» [1, кн. 3, с. 290].

При определении жизненных целей важно соотносить их с собственными потребностями и возможностями, предварительно познав те и другие. М. Монтень упоминал заповедь, которую часто приводил Платон: «Делай свое дело и познай самого себя», – и писал о том, что «...каждая из обеих половин этой заповеди включает в себя и вторую половину ее и, таким образом, охватывает весь круг наших обязанностей. Всякий, кому предстоит делать дело, увидит, что прежде всего он должен познать, что он такое и на что он способен» [1, кн. 1, с. 15–16]. Все существующее «познает самого себя и в соответствии со своими потребностями устанавливает пределы

своим трудам и своим желаниям» [1, кн. 3, с. 290]. «Было бы желательнее установить более разумное соотношение между требуемым и выполнимым; ведь цель, достигнуть которой невозможно, и поставлена, очевидно, неправильно» [1, кн. 3, с. 274]. Философ подчеркивал, что помощь благоразумия «...драгоценна... для того, чьи желания и возможности оно приводит в соответствие между собой! Нет науки полезнее этой! “По мере сил” было излюбленным выражением и присловьем Сократа, и это его выражение исполнено глубочайшего смысла» [1, кн. 3, с. 46].

М. Монтень предлагал и другие идеи по поводу того, что должен предвидеть, учитывать и реализовать человек в своих практических действиях. По мнению философа, «всякое благородное дело сопряжено с риском» [1, кн. 1, с. 158]. Он писал о том, что «напряженность и неукротимость желаний скорее препятствуют, чем способствуют достижению поставленной цели: они вселяют в нас нетерпение, если события развиваются медленнее, чем мы рассчитывали, и вопреки нашим предположениям, а также недоверие и подозрительность в отношении тех, с кем нам приходится иметь дело» [1, кн. 3, с. 297]. Разум приказывает человеку «идти все одним и тем же путем, но не всегда с одинаковой быстротой; и, хотя мудрый человек не должен позволять страстям своим отклонять его от правого пути, он может, не поступаясь долгом, разрешить им то убыстрять, то умерять его шаг» [1, кн. 1, с. 327]. Если человек уже отправился в путь, то ему «нужно идти до последнего вздоха» [1, кн. 3, с. 313].

Кроме того, философ советовал держаться разумной гармонии в отношении к настоящему и будущему, не увлекаться сверх меры какой-либо одной из этих составляющих человеческой жизни. Тот, кто вменяет «людям в вину их всегдашнее влечение к будущему», учит братья «за блага, даруемые... настоящим, и ни о чем больше не помышлять», потому что человек менее властен над будущим, чем над прошлым, затрагивает «одно из наиболее распространенных человеческих заблуждений» [1, кн. 1, с. 15]. Все опасения, желания и надежды приводят к будущему и лишают способности «воспринимать и понимать то, что есть, поглощая нас тем, что будет хотя бы даже тогда, когда нас самих больше не будет» [1, кн. 1, с. 15]. Те, кто просто проводят время, «пренебрегают настоящим, пренебрегают тем, чем владеют, ради каких-то чаяний, ради смутных и тщетных образов, рисующихся в их воображении» [1, кн. 3, с. 429–430].

Важно уметь (а если не умеешь, то учиться) противостоять трудностям, которые встречаются на жизненном пути. Как писал М. Монтень, «самая великая вещь на свете – это владеть собой» [1, кн. 1, с. 295]. «Нужно приучить душу не поддаваться несчастьям и брать верх над ними» [1, кн. 3, с. 74].

Большую роль в душевном состоянии и поведении человека играет то, как он воспринимает происходящее в его жизни. Философ упоминал изречение

Эпиктета о том, что людей мучат не сами вещи, а представления, которые они создали о них [1, кн. 1, с. 56].

М. Монтень давал практические советы о том, как оценивать ситуацию неопределенности, в которой для человека таится некоторая угроза, и как вести себя в ней. Вина людей состоит в том, что они больше думают «о грядущей беде, чем о минувшей» [1, кн. 3, с. 232]. Философ задавался следующим вопросом: «Для чего предвосхищать беду и терять настоящее из страха перед будущим и быть несчастным сейчас, потому что должен стать им со временем?» [1, кн. 3, с. 352]. Ответ на него можно найти в словах мыслителя: «Лучше вооружиться благородною твердостью и приготовить себя ко всему, что может случиться, находя утешение в том, что оно, быть может, все-таки не случится» [1, кн. 1, с. 163]. М. Монтень следовал такому правилу: «Ожидать всего самого худшего и, в случае если это худшее грянет, мужественно переносить его с кротостью и терпением» [1, кн. 2, с. 776]. По его мнению, нужно рассчитывать только на себя, «...довериться... собственным силам, в себе... обрести опору и своими глазами присматривать за собой. Люди же всегда склонны прибегать к чужой помощи, щадя собственные силы» [1, кн. 3, с. 345–346]. Когда человека одолевает сомнение, «какой путь самый короткий», философ советует «предпочитать всегда самый прямой» [1, кн. 1, с. 157]. В тяжелой жизненной ситуации нужно меньше поддаваться негативным эмоциям и горевать об утраченном, а стараться объективно оценивать свои потери, обращая большее внимание на то, что осталось. Кроме того, не менее важно извлекать урок из случившегося.

По мнению М. Монтеня, «...большинство хороших хозяев считают чем-то ужасным жить в... неопределенности; но, во-первых, они упускают из виду, что большинство людей живет именно таким образом. <...> Во-вторых, эти хорошие хозяева забывают также о том, что обеспеченность, на которую они хотят опереться, столь же неустойчива и столь же подвержена разного рода случайностям, как и сам случай» [1, кн. 1, с. 75]. Сам мыслитель, «прежде чем сожалеть о своей горькой участи» старается разобраться не столько в том, что у него отнято, сколько в том, что у него (и внешне, и внутренне) сохранилось [1, кн. 3, с. 347]. Он пришел к выводу о том, «...что бедствия бывают полезны. Во-первых, плохих учеников наставляют розгой, когда не помогают увещания... Во-вторых, беда может послужить... для того, чтобы подготовить к еще худшим испытаниям» [1, кн. 3, с. 346].

В некоторых случаях допустим и такой прием поведения, когда люди открыто не противодействуют неприятностям, а просто уходят от них. В этой связи М. Монтень писал о том, что некоторые мудрецы «противопоставляли несчастьям неодолимость своего терпения». Он давал следующее наставление: «Не будем гнаться за этими образцами; нам их все равно не

нагнать... Что до нас, меньших братьев, то нам нужно бежать от грозы, и как можно дальше; нам нужно принимать в расчет нашу чувствительность, а не наше терпение, и нам нужно ускользать от ударов, отразить которые мы не в силах» [1, кн. 3, с. 308].

Философ советовал находить некоторое утешение для сохранения душевного равновесия даже в том, что «в жизни и хорошему, и дурному положен определенный срок» [1, кн. 3, с. 404].

Следуя давней философской традиции, М. Монтень тесно связывал жизнь, ведущую к счастью и наслаждению, с соблюдением правила золотой середины. Он писал: «Я люблю природы умеренные и средние во всех отношениях. Чрезмерность в чем бы то ни было, даже в том, что есть благо, если не оскорбляет меня, то, во всяком случае, удивляет, и я затрудняюсь, каким бы именем ее окрестить» [1, кн. 1, с. 244]. Говоря о том, что «следует держаться между ненавистью к страданию и любовью к наслаждению» [1, кн. 3, с. 291], французский мыслитель ссылаясь на Платона, который советовал «избирать средний жизненный путь между этими двумя чувствами» [1, кн. 3, с. 291].

Аргументируя свою позицию, М. Монтень говорил о том, что душа «считает подлинно великим именно достаточное и возвышенность свою проявляет в том, что средний путь предпочитает лазанью по вершинам». Развивая мысль, он утверждал: «Пусть душа помогает телу, содействует ему и не отказывается участвовать в его естественных утехах, а наслаждается вместе с ним, привнося в них, если обладает мудростью, умеренность, дабы они по опрометчивости человеческого существа не превратились в неудовольствие. Невоздержанность – чума для наслаждения, а воздержанность отнюдь не бич его, а наоборот – украшение» [1, кн. 3, с. 427].

Ссылаясь на авторитет философской традиции, мыслитель писал: «Философия нисколько не ополчается против страстей естественных... ее усилие в борьбе с ними направлены лишь против тех страстей, которые чужды нашей природе и привносимы извне. Она говорит, что побуждения нашего тела не должно усиливать измышлениями ума» [1, кн. 3, с. 145]. М. Монтень на конкретных примерах разъяснял, что философия «мудро предостерегает нас от желания возбуждать в себе голод пресыщением, от желания набить свой живот вместо того, чтобы его наполнить; она увещевает избегать всякого наслаждения, заставляющего нас алкать еще больше, избегать еды и питья, обостряющих наши голод и жажду» [1, кн. 3, с. 145–146].

В контексте путей приближения к умеренности в жизненной практике человека мыслитель отмечал некоторые динамические моменты: «...недобор ближе к умеренности, чем перебор. Второй оправдать гораздо труднее» [1, кн. 3, с. 148]; «...разумное пользование доставляет больше хлопот, нежели воздержание. Умеренность – добродетель более требо-

вательная, чем нужда» [1, кн. 2, с. 884]. М. Монтень, живя в полном достатке, обращался к Богу с просьбой о том, чтобы он наделил его способностью «довольствоваться... собою и благами, порождаемыми... самим» философом [1, кн. 1, с. 297].

В рассуждениях философа на тему умеренности есть еще одно интересное высказывание, касающееся особенностей речи человека: «Я люблю слова, смягчающие смелость наших утверждений и вносящие в них некую умеренность: “может быть”, “по всей вероятности”, “отчасти”, “говорят”, “я думаю” и тому подобные» [1, кн. 3, с. 327].

В духе собственного восприятия умеренности и ее значения для счастливой жизни М. Монтень рассматривал понятия богатства, бедности и их соотношение: «Платон в следующем порядке перечисляет физические и житейские блага человека: здоровье, красота, сила, богатство. И богатство, говорит он, вовсе не слепо; напротив, оно весьма прозорливо, когда его освещает благоразумие» [1, кн. 1, с. 78]. Уточняя сущность и происхождение указанных социально-личностных феноменов, мыслитель ввел понятие «истинные потребности», которые определяют законы природы и законы, внушаемые «нам нашим необузданным воображением» [1, кн. 3, с. 299]. Бедных людей, если исходить из истинных потребностей, «нет и не может быть... и всякий, считающий себя таковым, исходит лишь из собственного суждения» [1, кн. 3, с. 299].

В целом умеренность предполагает, что «область наших желаний должна быть строго очерчена» [1, кн. 3, с. 302]. Их пределом «должно быть некоторое, весьма незначительное количество жизненных благ, обеспечивающих нам насущно необходимое» [1, кн. 3, с. 302]. Кроме того, «желания должны... располагаться не по прямой, конец которой был бы где-то вне нас, а по кругу, смыкаясь крайними точками внутри нас и образуя фигуру небольшого размера» [1, кн. 3, с. 302]. В итоге счастливым будет «тот, кто сумел с такой точностью соразмерять свои нужды, что его средства оказываются достаточными для удовлетворения их, без каких-либо хлопот и стараний с его стороны» [1, кн. 1, с. 80]. Следуя своей манере представления материала, М. Монтень писал о собственном жизненном опыте: «Мои расходы я соразмеряю с доходами; если порой первые превышают вторые, а порой бывает наоборот, то все же большого расхождения между ними я не допускаю. Я живу себе потихоньку и доволен тем, что моего дохода вполне хватает на мои повседневные нужды; что же до нужд непредвиденных, то тут человеку не хватает и богатств всего мира» [1, кн. 1, с. 78]. Анализируя негативные последствия чрезмерного стремления к богатству, он ссылаясь прежде всего на Эпикура, который говорил о том, что «...богатство не облегчает наших забот, но подменяет одни заботы другими. И действительно, не нужда, но скорей изобилие порождает в нас жадность» [1, кн. 1, с. 74]. К сказан-

ному М. Монтень добавлял: «Озабоченный, вечно нуждающийся и занятый по горло делами богач окажется мне еще более жалким, чем тот, кто попросту беден» [1, кн. 1, с. 76].

В своем труде философ обращал внимание на различные моменты, касающиеся материального состояния человека: от потери богатства и перехода к бедности никто не застрахован; богатство в большей мере порождает у человека стремление к обогащению, чем его бедность; потеря богатства переносится тяжелее, чем незнакомство с ним; противоестественным является сокрытие и богатства, и бедности; в своей нужде и сопровождающих ее страданиях человек виноват сам и т. д. По его мнению, «судьбе ничего не стоит пробить сотню брешей в нашем богатстве, открыв тем самым путь нищете, и нередко случается, что она не допускает ничего среднего между величайшим благоденствием и полным крушением» [1, кн. 1, с. 75]. Как и любая другая страсть, жажда обогащения «становится более жгучей, когда человек уже испробовал, что такое богатство, чем тогда, когда он вовсе не знал его» [1, кн. 2, с. 775]. «Нужда столь же часто по разным причинам бывает гостьей как тех, кто обладает значительным состоянием, так и тех, кто не имеет его; и подчас она менее тягостна, когда встречается сама по себе, чем когда мы видим ее бок о бок с богатством» [1, кн. 1, с. 76]. Некоторые люди, имеющие богатство, «прибедняются», а будучи бедными, изображают себя богатыми и не признаются, чем располагают на самом деле, и в этом философ видит смешную и постыдную осторожность [1, кн. 1, с. 77]. Если человеку «жить в нужде плохо», то у него «нет никакой нужды жить в нужде». Тот, кто «долго мучается, виноват в этом сам» [1, кн. 1, с. 80].

Говоря о богатом человеке, мыслитель писал: «Всякий денежный человек, на мой взгляд, – скопидом» [1, кн. 1, с. 78]. Своим происхождением такая черта связана с тем фактом, что уберечь свои деньги труднее, чем добыть их: «Как только вы приучили себя к мысли, что обладаете той или иной суммой, и твердо это запомнили, вы уже больше не властны над ней и вам страшно хоть сколько-нибудь из нее израсходовать» [1, кн. 1, с. 77]. К тому же человек невольно старается увеличить и приумножить накопленное богатство, «не беря из него чего-либо, а прибавляя» вплоть до того, что отказывается «от пользования в свое удовольствие своим же добром», которое он хранит «под спудом, без всякого употребления» [1, кн. 1, с. 77–78].

Особое внимание в своих размышлениях М. Монтень акцентировал на фрагментарности, несвязанности между собой отдельных поступков человека в единое целое и сложности их однозначного толкования. Он считал «крайне затруднительным не только увязывать наши действия одно за другим, но и правильно обозначать каждое из них по одному главному признаку, настолько двусмысленны они

и пестры» [1, кн. 3, с. 384]. В связи с этим при характеристике человеческой личности мыслитель подчеркивал многоликость, непостоянство и изменчивость ее черт: «Изумительно суетное, поистине непостоянное и вечно колеблющееся существо – человек. Нелегко составить себе о нем устойчивое и единообразное представление» [1, кн. 1, с. 9]. По этой причине «величайшая трудность для тех, кто занимается изучением человеческих поступков, состоит в том, чтобы примирить их между собой и дать им единое объяснение», так как обычно действия человека «резко противоречат друг другу, что кажется невероятным, чтобы они исходили из одного и того же источника» [1, кн. 2, с. 393]. Кроме того, М. Монтень утверждал, что лучшие авторы напрасно упорствуют, «...стараясь представить нас постоянными и устойчивыми. Они создают некий обобщенный образ и, исходя затем из него, подгоняют под него и истолковывают все поступки данного лица, а когда его поступки не укладываются в эти рамки, они отмечают все отступления от них» [1, кн. 2, с. 394].

Подобную многоликость человека философ конкретизировал следующим образом: «Нет таких качеств, которые целиком и полностью господствовали бы в нас» [1, кн. 1, с. 287]; «В зависимости от того, как я смотрю на себя, я нахожу в себе и стыдливость, и наглость; и целомудрие, и распутство; и болтливость, и молчаливость; и трудолюбие, и изнеженность; и изобретательность, и тупость; и угрюмость, и добродушие; и лживость, и правдивость; и ученость, и невежество; и щедрость, и скупость, и расточительность» [1, кн. 2, с. 397–398]. Далее он говорил о том, что человеку свойственны «непостоянство, колебания, неуверенность, страдание, суеверие, забота о будущем» и о том, что ждет его после смерти, а также «честолюбие, жадность, ревность, зависть, необузданные, неукротимые и неистовые желания, война, ложь, вероломство, злословие и любопытство» [1, кн. 2, с. 572]. Завершая эту мысль, он указывал на основные причины такой неоднозначности человеческой личности: «Мы, несомненно, слишком дорого заплатили за этот пресловутый разум, которым мы так гордимся, за наше знание и способность суждения, если мы купили их ценою бесчисленных страстей, во власти которых мы постоянно находимся» [1, кн. 2, с. 572]; «Слабость нашего естества нередко толкает нас к необходимости пользоваться дурными средствами для достижения благой цели» [1, кн. 2, с. 825].

М. Монтень особо рассматривал стремления и черты человека. По его мнению, самым обычным и распространенным стремлением настоящего мира является «...забота о нашем добром имени и о славе. В погоне за этой призрачной тенью, этим пустым звуком, неосознанным и бесплотным, мы жертвуем и богатством, и покоем, и жизнью, и здоровьем» [1, кн. 1, с. 310]. Вместе с тем «из всех неразумных человеческих склонностей это, кажется, именно

та, от которой даже философы отказываются позже всего и с наибольшей неохотой» [1, кн. 1, с. 310]. В подтверждение последнего тезиса он приводил примеры, раскрывающие неоднозначное отношение к славе, сложившееся в философской традиции. Аристотель отдавал первое место (среди остальных внешних благ) славе и утверждал, что следует избегать «неумеренности и в стремлении к славе, и в уклонении от нее» [1, кн. 2, с. 744]. В свою очередь, «Хрисипп и Диоген были первыми авторами – и притом наиболее последовательными и непреклонными, – выразившими презрение к славе» [1, кн. 2, с. 743].

Свое не вполне однозначное отношение к славе М. Монтень раскрывал в нескольких высказываниях, которые отражают ее привлекательность для человека и касаются связанных с ней жизненных благ: «Есть какое-то особенное удовольствие в том, чтобы слушать расточаемые тебе похвалы; но мы придаем ему слишком большое значение» [1, кн. 2, с. 751]. Люди заботятся больше о том, чтобы о них говорили, чем о том, что именно о них говорят [1, кн. 2, с. 753]. Слава «нередко... приносит с собой кое-какие жизненные удобства, благодаря которым может стать желанной для нас: она снискивает нам всеобщее благоволение и ограждает хоть в некоторой мере от несправедливости и нападков со стороны других людей» [1, кн. 2, с. 743–744]. Судьба дарит человеку «славу по своему произволу». Как утверждал философ, «я не раз видел, что слава опережает заслуги и... что она безмерно превышает их» [1, кн. 2, с. 746–747].

Развивая затронутую тему, М. Монтень обращал внимание на то, что «существует и другой вид стремления к славе, состоящий в том, что мы создаем себе преувеличенное мнение о наших достоинствах». Его основой является «безотчетная любовь, которую мы питаем к себе и которая изображает нас в наших глазах иными, чем мы есть в действительности» [1, кн. 2, с. 759]. Свое отношение к такой людской самооценке он раскрывал следующим образом: «Я во все не требую, чтобы из страха перед самовозвеличением люди принижали себя и видели в себе нечто меньшее, чем они есть; приговор во всех случаях должен быть равно справедливым. Подобаает, чтобы каждый находил в себе только то, что соответствует истине» [1, кн. 2, с. 759–760].

Стремлению к славе присущи такие черты, как высокомерие, самомнение и честолюбие. Зарождение первой французский мыслитель характеризовал так: «Высокомерие складывается из чересчур высокого мнения о себе и чересчур низкого о других» [1, кн. 2, с. 762]. В высокомерии присутствует «корень самых разительных заблуждений, как общественных, так и личных» [1, кн. 2, с. 762–763]. Самомнение есть «наша прирожденная и естественная болезнь». Человек – это «самое злополучное и хрупкое создание и тем не менее самое высокомерное» [1, кн. 2, с. 530]. Честолюбие – «ближайший

сосед самомнению» [1, кн. 2, с. 778]. М. Монтень давал дельный совет о том, как избавиться от последнего: «Раз мы не можем отказаться от честолюбия по велению совести, давайте откажемся от него хотя бы из честолюбия. Давайте презрим эту жажду почета и славы, низменную, заставляющую нас выпрашивать их у людей всякого сорта... прибегая к способам мерзким и отвратительным и платя за них любой ценой... Давайте научимся жаждать не большей славы, чем та, что для нас достижима» [1, кн. 3, с. 319].

Особо неприемлемой для философа становится гордыня – «источник гибели и развращения человека; она побуждает человека уклоняться от проторенных путей, увлекаться новшествами; она порождает стремление возглавлять людей заблудших, ставших на стезю гибели; она заставляет человека предпочитать быть учителем лжи и обмана, чем учеником в школе истины» [1, кн. 2, с. 587].

Гнуснейшим пороком М. Монтень называл лживость. Ссылаясь на Плутарха, он говорил о том, что «...она свидетельствует как о презрении к Богу, так и о страхе перед людьми. Нельзя выразительнее обрисовать мерзость, низость и противоестественность этого порока, ибо можно ли представить себе что-либо более гадкое, чем быть трусом перед людьми и дерзким перед Богом?» (цит. по [1, кн. 2, с. 805]). Неслучайно философ обозначил, что упрек во лживости есть «тягчайшее оскорбление словом, какое только можно нанести» [1, кн. 2, с. 805]. О последствиях первого лживого поступка он писал: «Как только язык свернул на путь лжи, прямо удивительно, до чего трудно возвратить его к правде!» [1, кн. 1, с. 41].

Одну из глав своего произведения М. Монтень назвал «Трусость – мать жестокости» [1, кн. 2, с. 834]. Он утверждал, что наиболее распространенным способом наказания за трусость является «всеобщее презрение и поношение» [1, кн. 1, с. 84].

Философ упоминал вероломство и подчеркивал, что оно «может быть иногда извинительным; но извинительно оно только тогда, когда его применяют, чтобы наказать и предать вероломство» [1, кн. 3, с. 15].

Предметом особого внимания М. Монтеня стали эмоциональные переживания и страсти людей. Он рассматривал их многообразие, динамичность и описывал их чрезвычайную роль в жизни и поведении человека: «Какие различные чувства и мысли вызывает в нас многообразие наших страстей! Каких только не порождает оно противоречивых представлений! Какую уверенность можем мы почерпнуть в столь непостоянном и переменчивом явлении, как страсть, которая по самой своей природе подвластна волнению и никогда не развивается свободно и не принужденно?» [1, кн. 2, с. 678]. Мыслитель в очередной раз давал простые советы о том, как вести себя в состоянии сильного эмоционального переживания: «Нельзя слепо отдаваться своим страстям»

[1, кн. 3, с. 306]; «Я предпочитаю обнаруживать свои страсти, чем скрывать их в ущерб... себе: проявившись, они рассеиваются и улечиваются, и лучше, чтобы жало их вышло наружу, чем отравляло нас изнутри» [1, кн. 2, с. 865]; «До тех пор, пока пульс наш бьется учащенно и мы охвачены волнением, отложим решение вопроса; когда мы успокоимся и остынем, вещи предстанут нам в ином свете, а сейчас нами владеет страсть, это она подсказывает нам решение, а не наш ум» [1, кн. 2, с. 860].

Среди объектов его исследования есть отдельные наиболее распространенные и значительные по своим последствиям эмоциональные состояния: гнев, страх, горе. Философ рассказывал о характере их влияния на людей. О гневе М. Монтень писал: «Ни одна страсть не помрачает в такой мере ясность суждения, как гнев» [1, кн. 2, с. 860]. Когда человек охвачен гневом, он видит и слышит «не совсем то, что есть в действительности» [1, кн. 2, с. 714]. Гнев является страстью, «...которая любит себя и упивается собой. Нередко, будучи выведены из себя по какому-нибудь ложному поводу, мы, несмотря на представленные нам убедительные оправдания и разъяснения, продолжаем упираться вопреки отсутствию вины» [1, кн. 2, с. 863]. Он отмечал сильную сторону этого состояния: «Мало того, что гнев вносит в душу смятение; он, сверх того, сковывает руки карающего. Это пламя их расслабляет, и они делаются бессильными» [1, кн. 3, с. 298]. В то же время, как бы оговариваясь, мыслитель добавлял: «Аристотель утверждает, что иногда гнев служит оружием для добродетели и доблести. Это правдоподобно; но все же те, кто с этим не согласны, остроумно указывают, что это – необычное оружие: ведь обычно оружием владеем мы, а этот род оружия сам владеет нами; не наша рука направляет его, а оно направляет нашу руку, не мы держим его, а оно нас» [1, кн. 2, с. 867].

На вопрос о том, как противостоять гневу, М. Монтень отвечал примером из личного опыта: «У меня хватает силы... отбросить довод к гневу, каким бы значительным он ни был; но если мне не удалось предупредить вспышку и я поддался ей, она увлекает меня... Ввиду этого я сговариваюсь с теми, кто может вступить со мной в пререкания, о следующем: “Если вы заметите, – говорю я им, – что я вскипел первым, предоставьте мне нестись, закусив удила, а когда настанет ваша очередь, я поступлю так же”. Буря разражается только из столкновения вспышек с двух сторон. Но это может произойти лишь добровольно с обеих сторон, ибо сами по себе вспышки эти возникают не в один и тот же момент. Поэтому, если одна сторона охвачена гневом, дадим ей разрядиться, и тогда мир всегда будет обеспечен. Полезный совет, но как трудно его выполнить!» [1, кн. 2, с. 867].

Вторую рассматриваемую эмоцию, страх, М. Монтень определял следующим образом: «Это – страсть воистину поразительная, и врачи говорят, что нет другой, которая выбивала бы наш рассудок из положенной

ему колеи в большей мере, чем эта» [1, кн. 1, с. 89–90]. Люди ощущают страх «с большею остротой, нежели остальные напасти» [1, кн. 1, с. 91]. Крайняя степень страха, по его мнению, «выражается в том, что, подаваясь ему, мы даже проникаемся той самой храбростью, которой он нас лишил в минуту, когда требовалось исполнить свой долг и защитить свою честь» [1, кн. 1, с. 91]. Философ также упоминал об особом виде страха, которых греки называли паническим. Этот страх «ни в какой степени не зависит от несовершенства наших мыслительных способностей», он «возникает без всяких видимых оснований и является внушением неба» [1, кн. 1, с. 92].

Горе, как его описывал мыслитель, «подавляет полностью нашу душу, стесняя свободу ее проявлений; нечто подобное случается с нами под свежим впечатлением какого-нибудь тягостного известия, когда мы ощущаем себя скованными, оцепеневшими, как бы парализованными в своих движениях, а некоторое время спустя, разразившись, наконец, слезами и жалобами, мы ощущаем, как наша душа сбросила с себя путы, распрямилась и чувствует себя легче и свободнее» [1, кн. 1, с. 13].

В контексте формирования нравов и поведения людей М. Монтень высказывал свое неоднозначное мнение по поводу существенной роли привычки: «Привычка – вторая природа и равна ей в могуществе» [1, кн. 3, с. 300]; «Нет наставницы более немилосердной и коварной, чем наша привычка». Она может забирать «власть над нами, но, начиная скромно и добродушно... с течением времени укореняется и укрепляется в нас, пока, наконец, не сбрасывает покровы со своего властного и деспотического лица, и тогда мы не смеем уже поднять на нее взгляда» [1, кн. 1, с. 130–131].

С одной стороны, привычка является даром природы, притупляющим чувствительность и помогающим «претерпевать всевозможные бедствия» [1, кн. 1, с. 246–247]. С другой стороны, она «порождает примирение со злом и даже подражание ему» [1, кн. 3, с. 342]. Привычка могущественна в том, что «она связывает нас в такой мере и настолько подчиняет себе, что лишь с огромным трудом удается нам избавиться от ее власти и вернуть себе независимость, необходимую для того, чтобы рассмотреть и обсудить ее предписания» [1, кн. 1, с. 140].

При рассмотрении основополагающих вопросов жизни и деятельности человека закономерным является выделение М. Монтенем главных вопросов морали. В центре его размышлений на нравственные сюжеты находятся понятия блага, добродетели, совести и свободы. Философы, как он утверждал, «ни о чем не спорят так страстно и так ожесточенно, как по поводу того, в чем состоит высшее благо человека» [1, кн. 2, с. 691]. Одни говорят, «что наше высшее благо состоит в добродетели», другие же говорят, «что в наслаждении», третьи видят его «в следовании природе». Кто-то «находит его в науке», а кто-то – «в отсутствии страданий» [1, кн. 2, с. 691].

Одной из главных жизненных благ М. Монтень считал добродетель: «Первое и основное правило добродетели: ее нужно любить ради нее самой» [1, кн. 2, с. 781]. Он по-разному раскрывал содержание этого понятия. Во-первых, «...ценность и возвышенность истинной добродетели определяются легкостью, пользой и удовольствием ее соблюдения; бремя ее настолько ничтожно, что нести его могут как взрослые, так и дети, как те, кто прост, так и те, кто хитер. Упорядоченности, не силы – вот чего она от нас требует. И Сократ, первейший ее любимец, сознательно забыл о своей силе, чтобы радостно и бесхитростно отдаться усовершенствованию в ней». Добродетель является кормилицей «человеческих наслаждений». Она вводит «их в законные рамки», а затем «придает им чистоту и устойчивость; умеряя их, она сохраняет их свежесть и привлекательность» [1, кн. 1, с. 200–201]. Во-вторых, «добродетель – вещь приятная и веселая» [1, кн. 3, с. 79]. Кроме того, философ проводил различие между родственными понятиями «добро» и «добродетель». О первом он говорил, что «нет... ни одного проявления доброты, которое не доставляло бы радости благородному сердцу». Когда человек делает добро, он испытывает «некое радостное удовлетворение и законную гордость, сопутствующие чистой совести» [1, кн. 3, с. 27–28]. В свою очередь, «добродетель есть нечто иное и более благородное, чем... склонность к добру». По своей природе обычные люди являются добропорядочными, они «...идут тем же путем и поступают так же, как люди добродетельные. Но добродетель есть нечто большее и более действенное... Тот, кто по природной кротости и обходительности простил бы нанесенные ему обиды, поступил бы прекрасно и заслуживал бы похвалы; но тот, кто, задетый за живое и разъяренный, сумел бы вооружиться разумом и после долгой борьбы одолеть неистовую жажду мести и выйти победителем, совершил бы несомненно нечто большее... первый поступок можно назвать добрым, второй – добродетельным», потому что «понятие добродетели предполагает трудность и борьбу» [1, кн. 3, с. 495].

Существуют разные пути к достижению добродетели. По мнению М. Монтеня, «нет сомнений в том, что лучше... подавлять искушения в зародыше и так подготовить себя к добродетели, чтобы самые семена искушения были уже вырваны с корнем, чем, поддавшись первым проявлениям дурных страстей, лишь после этого насильно мешать их росту и бороться, стараясь приостановить их развитие и преодолеть их». Он не сомневался в том, «что идти по этому второму пути лучше, чем обладать просто цельным и благодушным характером и питать от природы отвращение к пороку и распущенности», потому что люди, которые относятся к третьей разновидности, «невинные, но и не добродетельные, не делают зла, но их не хватает на то, чтобы делать добро» [1, кн. 2, с. 500–501].

При оценивании степени добродетельности человека необходимо придерживаться определен-

ного критерия: «Нередко случается, что порочные души под влиянием какого-нибудь побуждения извне творят добро, тогда как души глубоко добродетельные – по той же причине – зло. Таким образом, судить о них следует лишь тогда, когда они в устойчивом состоянии, когда они в ладу сами с собой» [1, кн. 3, с. 32].

Добродетельность человека проявляется прежде всего в отношении к другим людям. Сфера этих отношений весьма противоречива. Другой особи, столь неуживчивой и общительной, как человек, не существует по двум причинам: «по причине его пороков» и «в силу его природы» [1, кн. 1, с. 290]. «Покопайся каждый из нас хорошенько в себе, и он обнаружит, что самые сокровенные его желания и надежды возникают и питаются по большей части за счет кого-нибудь другого» [1, кн. 1, с. 130]. Ведь «нет такой выгоды, которая не была бы связана с ущербом для других» [1, кн. 1, с. 129].

В этой ситуации человеческие отношения должны регулироваться на основе принципа справедливости, который «заключается в том, чтобы воздавать каждому по заслугам» [1, кн. 2, с. 553]. Личное отношение к другим людям философ выражал в сентенциях. Он охотно был готов «помочь в нужде каждому» и «всегда в большей мере избегал брать, чем старался давать» [1, кн. 3, с. 245–246]. О долге он писал следующее: «Погашая какой-нибудь долг, я испытываю всякий раз настоящее наслаждение: с моих плеч сваливается тяжелый груз, и я избавляюсь от сознания своей зависимости. К тому же, мне доставляет некоторое удовольствие мысль, что я делаю нечто справедливое и удовлетворяю другого» [1, кн. 1, с. 75]. Хороший способ «завоевать сердца и расположение других – это предстать перед ними, отдавшись в их руки и доверившись им, но, разумеется, только при том условии, что это делается по собственной воле, а не по необходимости, что вы доверяете им искренно и до конца и уж, конечно, не дадите заметить на своем лице и тени тревоги» [1, кн. 1, с. 159–160]. В то же время философ писал: «Ничто не мешает поддерживать хорошие отношения с теми, кто враждует между собой, и вести себя при этом вполне порядочно» [1, кн. 3, с. 10]. Он советовал проявлять к тому и другому дружеское отношение, «пусть не совсем одинаковое, ибо оно допускает различную меру, и уж во всяком случае достаточно сдержанное и не влекущее вас в одну сторону так сильно, чтобы она могла располагать вами по своему усмотрению», а также довольствоваться скромной мерой «их благосклонности и, оказавшись в мутной воде», не пытаться «ловить в ней рыбку» [1, кн. 3, с. 10].

Добродетельный образ жизни французский философ не ограничивал кругом людей. По его словам, «существует долг гуманности и известное обязательство щадить не только животных, наделенных жизнью и способностью чувствовать, но даже деревья и растения» [1, кн. 2, с. 511–512].

На страже добродетельной жизни стоит совесть. Рассматривая феномен совести под разными точками зрения, он писал: «Совесть может преисполнять нас страхом, так же как может преисполнять уверенностью и душевным спокойствием» [1, кн. 2, с. 433]; «Люди обычно обретают честность в несчастье, словно счастье несовместимо с чистой совестью» [1, кн. 3, с. 214]; «Честный человек предпочтет скорее расстаться со своей честью, чем с чистой совестью» [1, кн. 2, с. 759]; «Никакая личная выгода не оправдывает насилия, совершаемого нами над нашей совестью» [1, кн. 3, с. 19]; «Нужно, чтобы совесть совершенствовалась сама собой благодаря укреплению нашего разума, а не вследствие угасания наших желаний» [1, кн. 3, с. 42].

В тесной взаимосвязи с нравственной тематикой находятся рассуждения на тему свободы, убежденным сторонником которой был сам М. Монтень. Начиная с общей установки о том, что «цель... всегда и у всех одна, а именно жить свободно и независимо» [1, кн. 1, с. 290]. Далее он высказывал личное отношение к свободе: «Душа моя жаждет свободы и принадлежит лишь себе и никому больше; она привыкла распоряжаться собой по собственному усмотрению» [1, кн. 2, с. 774]; «Я не выношу подчинения, обязательств и насилия над собой» [1, кн. 2, с. 784].

В произведении «Опыты» М. Монтень рассматривал суть свободы: «Поступки, которые не озабочены отблеском свободы, не доставляют ни чести, ни удовольствия» [1, кн. 3, с. 242]; «Подлинная свобода состоит в том, чтобы иметь над собою полную власть» [1, кн. 3, с. 345–346]; «Следует руководствоваться разумными правилами, но не подчиняться им слепо» [1, кн. 3, с. 394–395]. Кроме того, мыслитель упоминал, что свободно высказывает «свое мнение обо всем» [1, кн. 2, с. 482].

Заявляя свои права на свободу, философ признавал права (например, на наличие собственного мнения и особого образа жизни) за другими людьми и поддерживал связанное с ними многообразие взглядов и стилей поведения. Он считал болезненным заблуждением «мнить себя столь мудрым, что даже не допускать мысли о возможности кому-либо другому думать совсем иначе» [1, кн. 1, с. 379]. М. Монтень «с большей готовностью» принимал «несходство другого человека» с ним, «нежели сходство». Он не навязывал человеку своих «взглядов и обычаев» и рассматривал «его таким, как он есть, без каких-либо сопоставлений», но измерял этого человека «его собственной меркой» [1, кн. 1, с. 280]. Мыслитель уважал и любил других, потому что они иные. Больше всего он хотел, «чтобы о каждом... судили особо» и чтобы его «не стригли под общую гребенку» [1, кн. 1, с. 280].

В основе скептицизма М. Монтеня, который часто ассоциируется со здравым человеческим рассудком, лежит критическое отношение к сложившимся обычаям и представлениям, а также их объективное

изучение и оценка. Он писал: «Кто пожелает отделаться от всемогущих предрассудков обычая, тот обнаружит немало вещей, которые как будто и не вызывают сомнений, но... и не имеют иной опоры, как только морщины и седина давно укоренившихся представлений. Сорвав же с подобных вещей эту личину и сопоставив их с истиною и разумом, такой человек почувствует, что, хотя прежние суждения его и полетели кувырком, все же почва под ногами у него стала тверже» [1, кн. 1, с. 142–143]. Развивая свою мысль, философ добавлял: «Лучшее наше творение – жить согласно разуму». Этот разум влияет на душевное состояние человека и на его удовлетворенность жизнью. «Легко видеть, что именно обостряет наши страдания и наслаждения: это – сила действия нашего ума» [1, кн. 1, с. 67].

Говоря о претензиях и познавательных возможностях разума, М. Монтень утверждал: «Пылкости нашей нет конца... Удовлетворенность ума – признак его ограниченности или усталости. Ни один благородный ум не остановится по своей воле на достигнутом: он всегда станет притязать на большее, и выбиваться из сил, и рваться к недостижимому» [1, кн. 3, с. 373–374]. Проблемы, возникающие в процессе познания мира и человека, связаны прежде всего с тем, что «...истина сама по себе столь необъятна, что мы не должны пренебрегать никаким способом, могущим к ней привести. Существует столько разнообразных форм мышления, что мы затрудняемся, какую избрать. Столь же многочисленны виды опыта» [1, кн. 3, с. 369]. Раскрывая существо этих проблем, философ указывал на самые разнообразные аспекты. Он писал, что «вещи выглядят по-разному и могут восприниматься с различных точек зрения», из-за чего «проистекает различие в мнениях» [1, кн. 2, с. 695]. Все воззрения и нравы, каким бы «ни был их внешний облик, а он бесконечен в своих проявлениях, бесконечен в разнообразии, примерно в одинаковой мере находят обоснование со стороны нашего разума» [1, кн. 1, с. 135]. По мнению М. Монтеня, «...нет никакого неизменного бытия, и ни мы, ни окружающие нас предметы не обладают им. Мы сами, и наши суждения, и все смертные предметы непрерывно текут и движутся». По этой причине «нельзя установить ничего достоверного ни в одном предмете на основании другого, поскольку и оценивающий, и то, что оценивается, находятся в непрерывном изменении и движении» [1, кн. 2, с. 721]. Люди по-иному судят «в разное время о вещах» и часто меняют свое мнение [1, кн. 2, с. 671–672]. М. Монтень вкладывал всю свою веру в то, во что верил и чего придерживался: «...все мои средства и способности удерживают это воззрение и отвечают мне с его помощью на все, что могут». Он задавался вопросом: «Но не случилось ли со мной... что я принимал с помощью тех же средств и при тех же условиях какую-нибудь другую истину, которую потом признавал ложной?» [1, кн. 2, с. 671–672].

Есть много «разных наук, которые в... большей степени опираются на догадки, чем на знание, которые не судят о том, что истинно и что ложно, а следуют лишь тому, что представляется вероятным» [1, кн. 2, с. 597–598].

Философ утверждал, что «естественные законы существуют», однако люди их утратили «по милости этого замечательного человеческого разума, который во все вмешивается и повсюду хочет распорядиться и приказывать», но из-за суетности и непостоянства человека «лишь затемняет облик вещей» [1, кн. 2, с. 695].

Подытоживая сказанное о сложном, многоаспектном и порой противоречивом характере человеческого познания, М. Монтень сделал вывод, раскрывающий суть его исследовательского метода: «Если философствовать, как утверждают философы, – значит сомневаться, то с тем большим основанием заниматься пустяками и фантазировать, как поступаю я, тоже должно означать сомнение» [1, кн. 2, с. 412].

Обосновывая свою исследовательскую позицию, мыслитель ссылаясь на развитие философской исследовательской традиции: «Из трех основных философских школ две открыто исповедуют сомнение и неведение; что же касается приверженцев третьей школы – догматиков, то нетрудно убедиться, что большинство их прикрывалось уверенностью лишь из желания придать себе лучший вид. Они заняты были не столько тем, чтобы установить какую-то достоверность, сколько стремлением показать, как далеко они зашли в поисках истины: что ученые скорее предполагают, чем знают» [1, кн. 2, с. 598–599]. Данное положение он раскрывал через исследовательские подходы видных философов: «Аристотель – царь догматиков, и тем не менее мы узнаем от него, что чем больше знаешь, тем больше у тебя поводов к сомнению» [1, кн. 2, с. 599]; «Одни называли Платона догматиком, другие – сомневающимся скептиком, третьи считали, что он в некоторых вопросах догматик, в иных скептик» [1, кн. 2, с. 601]; «Главное лицо в его диалогах, Сократ, всегда направляет беседу, ставя вопросы и возбуждая споры; он никогда не обрывает обсуждения, никогда не бывает удовлетворен и говорит, что не владеет никакой иной наукой, кроме науки противоречия. Их любимый автор, Гомер, в равной мере заложил основания всех философских школ, желая показать, что совершенно безразлично, каким путем мы пойдем. Уверяют, что Платон был родоначальником десяти различных философских школ, и поэтому, на мой взгляд, ни одно учение не было в такой степени проникнуто колебаниями и сомнениями, как его» [1, кн. 2, с. 601–602]; «Платон умышленно любил философствовать в диалогической форме, ибо многообразие и противоречивость его взглядов не так бросались в глаза, когда их излагали разные собеседники» [1, кн. 2, с. 602].

Резюмируя сделанный историко-философский экскурс, М. Монтень приводил два тезиса. Во-первых,

манера изложения перечисленных мыслителей «...по существу пронизана сомнением, они умышленно скорее спрашивают, чем поучают, хотя и перемежают свое изложение догматическими утверждениями. Это можно так же хорошо проследить на Сенеке... как и на Плутархе. Те, кто занимается ими вплотную, отлично знают, что они судят о вещах то с одной точки зрения, то с совершенно противоположной, и комментаторам следовало бы прежде всего примирить каждого из них с ним самим» [1, кн. 2, с. 602]. Во-вторых, «...всякий, ищущий решения какого-нибудь вопроса, в конце концов приходит к одному из следующих заключений: он утверждает либо что нашел искомое решение, либо что оно не может быть найдено, либо что он все еще продолжает поиски. Вся философия делится на эти направления» [1, кн. 2, с. 592].

Свою жизненную и исследовательскую позицию М. Монтень сформулировал следующим образом: «Я тоже не утверждаю, что владею истиной или способен овладеть ею. Я не столько открываю вещи, сколько показываю их. Самый мудрый человек в мире на вопрос, что он знает, ответил, что знает только то, что

ничего не знает. Он подтвердил этим ту истину, которая гласит: “Большая часть того, что мы знаем, представляет собой лишь ничтожную долю того, чего мы не знаем”; иными словами: даже то, что мы знаем, есть лишь часть – и притом ничтожная часть – того, чего мы не знаем» [1, кн. 2, с. 591]. М. Монтень «выработал в себе известную устойчивость взглядов и старался не менять своих первых и безыскусственных мнений», потому что «какую бы видимость истины ни имело новое мнение», он с трудом менял собственные «старые взгляды из опасения», что потеряет их «на обмене» [1, кн. 2, с. 680].

Таким образом, задавшись целью изобразить в произведении «Опыты» собственный портрет, М. Монтень на примере французского общества XVI в. представил панораму людских нравов и сформулировал набор правил мудрого поведения, актуальных для любого исторического времени. В этом смысловом контексте он дал развернутые представления о счастливой жизни и способах ее достижения, о разумной стратегии и тактике жизни, а также о желательной позиции самого человека в отношении событий, происходящих на его жизненном пути.

Библиографическая ссылка

1. Монтень М. *Опыты*. Санкт-Петербург: Кристалл; 1998. 3 книги.

Reference

1. Montaigne M. *Opyty* [Essais]. Saint Petersburg: Kristall; 1998. 3 books. Russian.

Статья поступила в редколлегию 28.11.2023.
Received by editorial board 28.11.2023.